

МАНИПУЛЯТИВНАЯ ИГРА ПОРФИРИЯ ПЕТРОВИЧА В РОМАНЕ «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»**ВЕРА АДАМЯН**

Аннотация. Исследователей всегда интересовали такие области литературы, в которых рассматриваются вопросы, лежащие на стыке двух наук: литературы и психологии, литературы и социологии, литературы и философии, литературы и культурологии. В данной статье мы опираемся на достижения психологии. С ее позиций рассматривается роман «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского. В частности, мы обращаемся к проблеме манипуляции в романе. Нами исследуются манипулятивные приемы и уловки, применяемые следователем Порфирием Петровичем: информированность, ирония, намеки, эффект внезапности, ложное переспрашивание, или обманчивые уточнения.

Нашей целью было не только выявить манипулятивные ходы в романе, но и показать их влияние на сюжет. Также мы показываем, насколько манипуляция была эффективной, обращаясь к реакции жертвы манипуляции. Нами также выделены опосредованные манипуляции, представляющие собой манипуляцию через другого персонажа.

Проведенный анализ показывает, что обращение к роману с этой позиции может быть весьма эффективным для лучшего восприятия текста.

Ключевые слова: *Ф. Достоевский, «Преступление и наказание», манипуляция, манипулятор, жертва, приемы манипуляции*

THE MANIPULATIVE GAME OF PORFIRI PETROVICH IN THE NOVEL «CRIME AND PUNISHMENT»**VERA ADAMYAN**

Abstract. Researchers have always been interested in such areas of literature, which address issues lie at the intersection of two sciences: literature and psychology, literature and sociology, literature and philosophy, literature and cultural studies. In this article we rely on the achievements of psychology. From its positions we consider the novel «Crime and Punishment» by F. Dostoevsky. In particular, we address the problem of manipulation in the novel. We study manipulative techniques and tricks used by investigator Porfiry Petrovich: awareness, irony, hints, surprise effect, false interrogation, or deceptive clarification.

Particular attention is paid to the manipulative tactics used, the tricks of manipulative characters. Our aim was not only to identify the manipulative moves in the novel, but also to show their influence on the plot. We also show how effective the manipulation was by looking at the reaction of the victim of the manipulation.

The analysis shows that approaching the novel from this position can be very effective for a better perception of the text.

Keywords: *F. Dostoevsky, «Crime and Punishment», manipulation, manipulator, victim, manipulation techniques*

В своем исследовании «Мировоззрение Достоевского» Николай Бердяев писал: «В романах Достоевского нет ничего, кроме человека и человеческих отношений. <...> Единственное серьезное жизненное дело людей Достоевского есть их взаимоотношения, их страстные притяжения и отталкивания [Бердяев, 2019, с.51]. В своих произведениях писатель подробно изображает «тонкие, почти неуловимые психологические переходы в настроении героев» [Мережковский, 2020, с.97]. По наблюдениям Г.М. Фридлиндера, писатель стремится помочь «читателю как бы переселиться в душу героев и посмотреть на окружающую жизнь их собственными глазами» [1964, с.172]. Возможно, именно эта особенность творчества писателя явилась причиной того, что произведения Достоевского стали предметом пристального интереса не только литературоведения, но и многих других дисциплин – философии, теологии, социологии, но прежде всего психологии.

Взаимосвязи литературоведения и психологии весьма многообразны, и с развитием каждой из этих наук сфера их взаимодействия расширяется и углубляется. В результате этих изысканий возникают новые направления исследований (психология автора, психология творческого процесса, психология читательского восприятия и пр.), которые сосуществуют с традиционной психологической интерпретацией литературного персонажа и мотивов его поведения.

Одним из наиболее интенсивно разрабатываемых направлений современной психологической науки является психология манипуляции, представляющая не только теоретический интерес, но и имеющая выход в самые разные сферы социальной и духовной жизни.

Целью данной работы является изучение взаимоотношения персонажей романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» в аспекте манипуляции. Естественно, что в рамках одной статьи невозможно рассмотреть все проявления манипуляции, представленные в произведении, поэтому мы сосредоточились на изучении манипулятивных приемов в контексте взаимного противостояния двух персонажей – Порфирия Петровича и Раскольникова.

До того как перейти непосредственно к рассмотрению манипулятивных техник и стратегий в романе, считаем необходимым несколько подробнее остановиться на самом понятии «манипуляция».

Феномен манипуляции разрабатывается многими исследователями, как западными ([Чалдини, 2014], [Шостром, 2003] и др.), так и российскими ([Доценко, 1997], [Ермаков, 1995], [Зелинский, 2008], [Кара-Мурза, 2005], [Рубинштейн, 2002] и др.). Поэтому не случайно, что в настоящее время существует множество определений манипуляции [см. Шейнов, 2023, сс.6-7]. Общим для большей части этих определений является признание приоритета речевых форм манипулятивного воздействия над невербальными его проявлениями. Именно речевой манипуляцией осуществляется «скрытое управление людьми» [Кара-Мурза, 2005, с.16]; это «разновидность ма-

нипулятивного воздействия, осуществляемого путем искусного использования определенных ресурсов языка с целью скрытого влияния на когнитивную и поведенческую деятельность адресата» [Копнина, 2008, с.25]. По М.Р. Битяновой, это «игра на особенностях человеческой природы и человеческих слабостях, которые обеспечивают "коммуникативную слепоту" реципиента, делают его пассивно-послушным в признании правоты коммуникатора» [2001, с.125].

В связи с тем, что различные определения манипуляции довольно существенно отличаются друг от друга, считаем необходимым привести наиболее соответствующее нашим задачам определение, предложенное Е.Л. Доценко: «Манипуляция — это вид психологического воздействия, искусное исполнение которого ведет к скрытому возбуждению у другого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями» [Доценко, 1997, с.59].

Манипулятивные стратегии Порфирия Петровича

На протяжении романа Порфирий и Раскольников встречаются три раза. Каждую из этих встреч опытный следователь выстраивает целенаправленно и логически последовательно, с тем чтобы добраться до раскрытия преступления. Так, основной целью первой встречи для Порфирия было подтверждение или опровержение его подозрений относительно виновности Раскольникова; вторая встреча, эмоционально более напряженная и провокативная, перенасыщена манипулятивными приемами; богата манипуляциями и третья встреча, но это качественно иная форма манипуляции, которую можно было бы назвать манипулирование прямолинейностью.

Все эти встречи не имеют ничего общего с обычными допросами. Сам Порфирий неоднократно отмечает, что они проходят «не по форме»; это скорее интеллектуальные поединки, которые «нарушают самые основы традиционного психологического взаимоотношения следователя и преступника (что подчеркивает Достоевский). Все три встречи Порфирия с Раскольниковым – подлинные и замечательные полифонические диалоги» [Бахтин, 2002, сс. 72-73].

Обратимся к конкретным стратегиям и маневрам, используемым Порфирием Петровичем для разоблачения Раскольникова.

Информированность

Манипуляция невозможна без наличия необходимых сведений и знания соответствующих фактов. При их недостатке манипулятор вынужден добирать нужную информацию.

Эту ситуацию мы наблюдаем во время первой встречи Порфирия с Раскольниковым.

Порфирий Петрович соотнес имя автора с именем закладчика на бумажке, обнаруженной у процентщицы – и у следователя зародились первые зерна сомнений: он начал задумываться о возможности того, что автор статьи и закладчик на самом деле являются одним и тем же лицом. Но для того чтобы сомнения перешли в уверенность, ему нужно было получить больше сведений. Поэтому ему было необходимо, чтобы Раскольников

развил едва намеченную в своей статье мысль о двух «разрядах» людей. Тот с явным удовольствием излагает суть своей теории, чем и подкрепляет сомнения Порфирия Петровича. Раскольников то ли не замечает, то ли игнорирует провокационный характер заданных Порфирием вопросов, приведших к ключевой в этой ситуации реплике Заметова: *«Уж не Наполеон ли какой будущий и нашу Алену Ивановну на прошлой неделе топором уколошил?»* (с.204)¹.

Порфирий Петрович иногда прибегает к хитрости: не имея достаточных сведений, он делает вид, что владеет информацией:

– Да то же, батюшка, Родион Романович, что я не такие еще ваши подвиги знаю; обо всем известен-с! Ведь я знаю, как вы квартиру-то нанимать ходили, под самую ночь, когда смерилось, да в колокольчик стали звонить, да про кровь спрашивали, да работников и дворников с толку сбили (с.265).

При этом заявляет, что он все узнал от самого Раскольникова, который будучи в волнении, обо всём всем сам рассказывает. Но чтобы последний не окончательно успокоился, заявляет, что от Разумихина *«вчера много интересных подробностей узнал»*. Возвращаясь к теме о колокольчиках, следователь заявляет, что это является драгоценностью для следствия, это – *«этаким факт (целый ведь факт- с!)»*, который он выдал Раскольникову *«с руками и с ногами»*.

На последней встрече с Раскольниковым, Порфирий опять прибегает к этому приему. Он, в частности, заявляет, что уже заходил три дня назад вечером: *«Зашел, осмотрелся, подождал, да и служанке вашей не доложился – вышел»*. Толчок к панике жертвы дан. Следователь признается, что для него это была манипулятивная игра: *«Он опускает глаза, как бы не желая более смущать своим взглядом свою прежнюю жертву и как бы небрегая своими прежними приемами и уловками»* (сс.343-344).

Далее Порфирий рисует всю сцену убийства, чтобы посмотреть на реакцию убийцы (с.348). Он говорит, что про себя он точно знает – кто убийца. Следователь уверяет, что у него есть доказательство, но он не может *«взять да и выложить»* все.

Порфирий признается, что манипулировал и через Разумихина. Он рассказало, что убийца – Миколка, и разъяснил, как все было. Раскольников изначально понимал, что это было манипуляцией: *«Опять свою проклятую психологию подводить начал!»* (с.341).

Заметим, что помимо угрызений совести, еще одной причиной того, что убийца старухи-процентщицы пошел и сознался, являлась неопределенность и недомолвки Порфирия Петровича. Раскольников постоянно хочет, чтобы следователь признался, что он подозревает его, но так и не слышит, и это заставляет его закапывать себя все глубже. Кстати говоря, по мнению исследователей, «принуждение к строго однозначному ответу» также является манипулятивным приемом: «Главное в этой уловке, – объ-

¹ Далее роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» будет цитироваться по данному изданию с указанием страницы в круглых скобках.

ясняет специалист по манипуляциям, – твердо и решительно потребовать от оппонента дать однозначный ответ: “Скажите прямо: да или нет...”» [Оконечникова, 2003, с.28]. Конечно же, главнейшей причиной было то, что он не смог вынести свое преступление, ведь он признается именно после самоубийства Свидригайлова, который мог бы стать *«той самой махочкой черточкой»*, о которой говорил следователь. Но Раскольников признается, потому что понимает, что если даже такой человек как Свидригайлов не смог пережить совершенное им преступление и покончил с собой, то он точно не сможет.

Намеки

Исследователи говорят о важности фоновых факторов в процессе манипулирования, в частности, создания благоприятных условий для манипуляции. Манипулятор намеренно приводит жертву в необходимое психическое состояние, делающее ее более уязвимой для последующего манипулирования [Шейнов, 2023, с.51]. Этот манипулятивный прием называется «раздражением оппонента», т.е. «выведение его из состояния психического равновесия насмешками, обвинениями, упреками и другими способами до тех пор, пока собеседник не будет раздражен и не сделает при этом ошибочное, невыгодное для его позиции заявление» [Оконечникова, 2003, с.26].

Одним из таких фоновых факторов является намек – выражение, в котором мысль высказана неясно и может быть по-разному интерпретирована.

Как отмечает М.М. Бахтин, «Порфирий говорит намеками, обращаясь к скрытому голосу Раскольникова. Раскольников старается расчетливо и точно разыгрывать свою роль. Цель Порфирия – заставить внутренний голос Раскольникова прорываться и создавать перебои в его рассчитанно и искусно разыгранных репликах» [2002, с.291].

Намек – один из наиболее эффективных манипулятивных приемов, суть которого заключается в том, что недосказанность и невыраженность намека способна вогнать жертву в стрессовое состояние, в результате чего человек может потерять контроль над собой.

Порфирий – талантливый следователь и обладает способностью психологического расследования с использованием множества технологий, в том числе манипулятивных. Как утверждают специалисты, «помимо высших форм интеллектуальной деятельности, профессия требует от следователя множества чисто технических и манипулятивных умений и действий» [Ратинов, 2016, с.22].

Порфирий всячески пытается «раскусить» Раскольникова. В конечном итоге последний теряет самообладание. Порфирий практически всегда намекает спокойным тоном, чем еще больше раздражает собеседника: *«...почти все закладчики теперь уж известны, так что вы только одни и не изволили пожаловать»* (при этом говорится это «с чуть приметным оттенком насмешливости»); *«Слышал <...> что уж очень были чем-то расстроены»*; *«Вы и теперь как будто бледны?»* (с.194). Раскольников умен, и потому он заранее предугадывает намерения Порфирия, но, тем не

менее, не в состоянии справиться со своими эмоциями: «А в злобе-то и проговорюсь!», – боится он (с.194).

Когда Порфирий заговаривает о статье Раскольников и о делении им людей на обыкновенных и необыкновенных, Раскольников как бы понимает, что скоро последует еще больше намеков. Следователь намекает, что, возможно, Раскольников зря возомнил себя принадлежащим ко второму разряду: «Потому, согласитесь, если произойдет путаница и один из одного разряда вообразит, что он принадлежит к другому разряду, и начнет «устранять все препятствия», как вы весьма счастливо выразились, так ведь тут...» (с.201). Когда Родион говорит, что не знал о публикации статьи, Порфирий заявляет: «Живете так уединенно, что таких вещей, до вас прямо касающихся, не ведаете. Это ведь факт-с». Впоследствии он будет говорить, что убийца непременно живет уединенно.

Последующие встречи Порфирия Петровича и Раскольникова также пропитаны намеками: «И зачем вы так беспокоитесь? Зачем сами-то вы так к нам напрашиваетесь, из каких причин?» (с.268). Чередующиеся вопросы также являются манипулятивным приемом. Ведь совсем недавно Порфирий рассказывал, что необыкновенные преступники сами как бы напрашиваются на арест. Порфирий намекает, что в силу того, что Раскольников был в совершеннейшем бреду, он мог бы не помнить, что убил человека. Впоследствии он обратит внимание на то, что, согласно статье Раскольникова, акт исполнения преступления всегда сопровождается болезнью.

Ирония

Манипуляции достигаются за счет того, что манипулятор выбирает изначально ироничный тон, словно бессознательно ставя под сомнение любые слова своей жертвы. В этом случае, как пишет С.А. Зелинский, манипулятор работает не с сознанием, а с бессознательным [2008, с. 34].

Манипулятивная роль иронии в диалоге заключается в том, что она может быть использована как инструмент для обесценивания и дискредитации высказанной собеседником мысли.

Таковыми нам представляются реплики Порфирия Петровича на теорию Раскольникова о разделении людей на «обыкновенных» и «необыкновенных»:

Но вот что скажите: чем же бы отличить этих необыкновенных-то от обыкновенных? При рождении, что ль, знаки такие есть? Я в том смысле, что тут надо бы по более точности, так сказать, более наружной определенности: извините во мне естественное беспокойство практического и благонамеренного человека, но нельзя ли тут одежду, например, особую завести, носить что-нибудь, клеймы там, что ли, какие?.. Потому, согласитесь, если произойдет путаница и один из одного разряда вообразит, что он принадлежит к другому разряду, и начнет "устранять все препятствия", как вы весьма счастливо выразились, так ведь тут... (с.201).

И далее:

Ну, по крайней мере с этой стороны, вы меня хоть несколько успокоили; но вот ведь опять беда-с: скажите, пожалуйста, много ли таких людей, которые других-то резать право имеют, "необыкновенных-то" этих? Я, конечно, готов преклониться, но ведь согласитесь, жутко-с, если уж очень-то много их будет, а? (с.202).

Конечно, ни идеи, ни ответы Раскольникова на реплики не могли удовлетворить Порфирия. Тем не менее он еще не раз вспоминает об этой статье. Несколькими страницами ниже Порфирий Петрович, явно иронизируя, говорит, что не осмелится учить Раскольникова, ведь «эвона ведь вы какие статьи о преступлениях печатаете!» (с.260). Просто в виде факта он представляет Раскольникову «примерчик» (заметим, что диминутивная форма здесь также имеет значение манипулятивной иронии).

Ложное переспрашивание, или обманчивые уточнения

Еще одним весьма эффективным приемом манипуляции являются чередующие друг друга вопросы – «ложное переспрашивание». Манипулятор делает вид, что желает получить что-то уяснить для себя, переспрашивает жертву, однако повторяет слова жертвы только вначале и далее только частично, внося свой смысл, тем самым изменяя общее значение сказанного в угоду себе [Зелинский, 2008, с.28].

Порфирий обращается к Раскольникову:

Да подозревай я вас хоть немножко, так ли следовало мне поступить? Мне, напротив, следовало бы сначала усыпить подозрения ваши, и виду не подать, что я об этом факте уже известен; и отвлечь, этак, вас в противоположную сторону, да вдруг, как обухом по темени (по вашему же выражению), и огорошить: «А что, дескать, сударь, изволили вы в квартире убитой делать в десять часов вечера, да чуть ли еще и не в одиннадцать? А зачем в колокольчик звонили? А зачем про кровь расспрашивали? А зачем дворников сбивали и в часть, к квартальному поручику, подзывали?» (сс.267-268).

При этом заметим, что Порфирий так и делает. Он говорит, что задал бы эти вопросы, но на самом деле задает их, внимательно следя за мимикой своей жертвы. Он ведь знал, что Раскольников в любом случае дал бы ложные показания, и к нему нужен именно такой подход.

Весь манипулятивный ход был понятен Раскольникову: «Ты знал, что я болен, и раздражить меня хотел, до бешенства, чтоб я себя выдал, вот твоя цель!» (с.269).

Разумихин, сам не желая и не осознавая, дает идеальный материал Порфирию. На Раскольникова была направлена и манипулятивный взгляд и даже молчание Заметова. Последний, кстати, разрешает спор о вчерашнем состоянии героя, был ли он в бреду, или нет, заявляя, что тот говорил весьма разумно и даже хитро, но был также и раздражительным. Родион, пытаясь ответно манипулировать окружающими, в ответ на удивление друга, что отдал последние деньги семье Мармеладова, заявляет, что мо-

жет он клад нашел. Специалисты отмечают, что это – обычное поведение преступника:

Защитная доминанта толкает виновного на совершение различных действий, которые по его расчетам должны помочь ему избежать разоблачения. С этой целью преступники создают лжедоказательства невиновности, мнимые алиби и инсценировки, стремятся направить расследование по неверному пути, делают ложные заявления, распространяют вымышленные слухи, склоняют свидетелей к ложным показаниям, всячески стараются убедить окружающих в своей непричастности к преступлению [Ратинов, 2016, с.200]. При этом, как справедливо отмечается, весьма часто правонарушители своей назойливостью и демонстративностью поведения порождают или же укрепляют подозрения в их адрес (там же). Кстати, за несколько дней до этой встречи, Раскольников так и делает, случайно встретившись с Заметовым.

Кстати заметим, что в этом примере наблюдается еще один прием: «Заманивание в ловушку, или мнимое признание выгоды оппонента» [см. Зелинский, 2008, с. 35]: Речь, в частности, идет о том, что следователь постоянно успокаивает своего оппонента, утверждая, что не подозревает его.

Эффект внезапности

Порфирий не раз применяет эффект внезапности, чтобы застать свою жертву врасплох. Этот прием нацелен на получение максимально точной и правдивой реакции.

Когда Раскольников приходит к Порфирию, якобы узнать пропали ли ценные для него вещи, следователь отвечает, что ни кольцо, ни часы, не пропали, и что они были завернуты под одну бумажку, и что на бумажке написана дата, когда они были получены. Как известно, часы Раскольников приносил в день убийства, следовательно, Порфирий говорит это не случайно, а с целью увидеть реакцию подозреваемого. Манипулятивный ход был хорошо продуман: Порфирий использовал преимущество фактора внезапности. Раскольников, не удержался и назвал следователя «заметливым». Правда, он сразу же пытается выпутаться из ситуации, говоря, что, вероятно, много было закладчиков, и, примечательно, что следователь помнит его (с.194).

В конце беседы, Порфирий, желая, чтобы Раскольников зашел в контору для допроса, мотивирует это якобы выполнением просьбы последнего. При этом, делает так, чтобы эта встреча состоялась завтра. Он начинает с местоименного наречия ‘как-нибудь’, имеющего значение неопределенности, и заканчивает конкретной датой и временем:

А насчет вашей просьбы не имейте и сомнения. Так-таки и напишите, как я вам говорил. Да лучше всего зайдите ко мне туда сами... как-нибудь на днях... да хоть завтра. Я буду там часов так в одиннадцать, наверно. Всё и устроим... поговорим... (с.205).

Этот ход С.А. Зелинский называет «навязыванием выбора, или изначально верным решением». В этом случае манипулятор задает вопрос та-

ким образом, что не оставляет жертве возможности отказаться, он должен делать выбор между предлагаемыми манипулятором вариантами [Зелинский, 2008, 38].

И сразу же применяет эффект внезапности: *«Вы же, как один из последних, там бывших, может, что-нибудь и сказать бы нам могли... – прибавил он с добродушнейшим видом»* (там же). Раскольников, как всегда, понимает, что следователь просто хочет *«официально допрашивать, со всею обстановкой»* (там же). На что тот отвечает, что вовсе нет необходимости и что он не так понял. Это еще одна манипулятивная уловка.

Продолжая тему о местоимениях, заметим, что Раскольников говорит, что пришел в связи с делом об *«этой ... убитой»*. Обратим внимание, что Раскольников вообще не произносит имя старухи, и, местоимение 'эта' имеет конкретную цель демонстрировать свою непричастность. Он хочет показать, что не причастен к делу об *«этой... убитой»*. А далее следует самая крупная манипуляция с эффектом внезапности. Во-первых, он заявляет, что уверен в невиновности подозреваемого Николая (при этом, поворачиваясь к Раскольникову), во-вторых, как бы попутно спрашивает о том, не видел ли Раскольников в одной из квартир двух красильщиков, или хоть одного из них. Порфирий заявляет, что это, якобы, могло бы быть как алиби для работников, но, на самом деле, это очередная ловушка для жертвы. Раскольников, «овладев ловушкой», отвечает, что не помнит, что красильщики были. В разговор вмешивается Разумихин, и, как бы опомнившись и сообразив, укоряет дальнего родственника: *«Да ведь красильщики мазали в самый день убийства, а ведь он за три дня там был? Ты что спрашиваешь-то?»* (с.205). Порфирий делает вид, что злится на себя за то, что перемешал события. Раскольников не поддается манипуляциям. Обратим внимание, что следователь готовит ловушку для самого последнего момента, когда Раскольников уже собирался уходить. Эффект внезапности здесь вполне мог бы сработать. Жертва манипуляции и манипулятор в одном лице думает: *«Да на это-то он и рассчитывал, что я не успею сообразить, и именно успею отвечать правдоподобнее да и забуду, что за два дня работников быть не могло»* (с.207). Эффект внезапности здесь не сработал, так как оба участника поединка очень сильные и предугадывают действия и шаги друг друга. Последние строки свидетельствуют о том, что Раскольников понимал, что Порфирий Петрович манипулировал им.

При этом, жертва манипуляции сразу после этого приступает к манипуляции по отношению к товарищу. Он это делает своим молчанием. На возмущения Разумихина о том, что подозрения Порфирия Петровича и Заметова не имеют основания, и что ему досадно от этого, что им должно быть стыдно, Раскольников ничего не отвечает, о потом «с горечью» напоминает о вчерашнем унижении перед Заметовым и о предстоящем допросе. Реакция жертвы (*«Черт возьми! Пойду сам к Порфирию! И уж прижму ж я его, по-родственному; пусть выложит мне всё до корней!»*) удовлетворяет манипулятора: *«Наконец-то догадался! – подумал Раскольников»* (с.207).

Опосредованная манипуляция

Опосредованной мы считаем манипуляцию, которая реализуется не прямо, а через другого персонажа. Так, Порфирий с конечной целью манипуляции Раскольниковым, манипулировал Разумихиным:

А помните, как господин Разумихин начал вам проговариваться? Это мы устроили с тем, чтобы вас взволновать, потому мы нарочно и пустили слух, чтоб он вам проговаривался, а господин Разумихин такой человек, что негодования не выдержит (с.346).

Как видим, манипуляторы (Порфирий и Заметов) учитывали не только характер своей жертвы, но и характер его друга. Здесь мы имеем дело не с эксплицитной, прямой манипуляцией, а опосредованной.

Выводы

Проведенный анализ показывает, что роман «Преступление и наказание» пропитан манипуляцией. В статье мы показываем, какие манипулятивные ходы использует Порфирий Петрович для достижения своих целей и как это влияет на ход сюжета.

Герои либо сами манипулируют, либо же подвергаются манипуляции другими персонажами.

Нами выделены также опосредованные манипуляции, представляющие собой манипуляции через другого человека с конечной целью воздействия на жертву.

Так, в частности, поступает следователь Порфирий Петрович. Он манипулирует Разумихиным с целью конечной манипуляции Раскольниковым. Один из ключевых аспектов его характера – это способность манипулировать. Порфирий Петрович часто использует уловки и хитрость, чтобы раскрыть преступления. Он манипулирует, потому что этого требует профессия следователя.

ИСТОЧНИКИ

Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30 томах. Т. 6. Л.: Наука, 1973.

СПИСОК НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Бахтин, М.М., 2002. *Проблемы поэтики Достоевского*. Москва: Русские словари: Языкиславянской культуры.

Бердяев, Н.А., 2019. *Миросозерцание Достоевского*. Москва: Академический проект.

Битянова, М.Р., 2001. *Социальная психология: наука, практика и образ мыслей*. Москва: ЭКСМО-Пресс.

Доценко, Е.Л., 1997. *Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита*. Москва: Изд.-во МГУ.

Ермаков, Ю.А., 1995. *Манипуляция личностью: Смысл, приемы, последствия*. Екатеринбург: Изд.-во Урал.-ого ун-та.

Зелинский С.А., 2008. *Манипулирование личностью и массами. Манипулятивные технологии власти при атаке на подсознание индивида и масс*. Санкт-Петербург: СКИФИЯ.

Кара-Мурза, С.Г., 2005. *Манипуляция сознанием*. Москва: Эксмо.

Копнина, Г.А., 2008. *Речевое манипулирование*. 2-е изд. Москва: Флинта.

- Мережковский, Д.С., 2020. Достоевский. В кн. Мережковский, Д.С. *О литературе. Избранные статьи*. Москва: Юрайт, сс.96-114.
- Наседкин, Н.Н., 2003. *Достоевский. Энциклопедия*: ЛитРес: Самиздат.
- Оконечникова, Л.В., 2003. *Психология манипулирования*. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та.
- Ратинов, А.Р., 2016. *Избранные труды*. Москва: Изд.-во Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации.
- Рубинштейн, С.Л., 2002. *Основы общей психологии*. Санкт-Петербург: Питер.
- Фридлиндер, Г.М., 1964. *Реализм Достоевского*. Москва: Наука.
- Чалдини, Р., 2014. *Психология влияния*. 5-е изд. Перевод с английского Е.Бугаевой, Е.Волкова, И. Волковой, О. Пузыревой. Санкт-Петербург: Питер.
- Шостром Э., 2003. *Человек-манипулятор. Внутреннее путешествие от манипуляции к актуализации*. Перевод с английского В. Данченко. Нашвилл, Абингдон: PSYLIB.
- Шейнов, В., 2023. *Манипулирование и защита от манипуляций*. Санкт-Петербург: Питер.

REFERENCES

- Bakhtin, M.M., 2002. *Problemy poetiki Dostoevskogo*. [Problems of Dostoevsky's poetics]. Moscow:Russkie slovari; Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ. (in Russian).
- Berdyayev, N.A., 2019. *Mirosozertsanie Dostoevskogo*. [Dostoevsky's worldview]. Moscow: Akademycheskiy proekt Publ. (in Russian).
- Bitjanova, M.R., 2001. *Social'naja psihologija: nauka, praktika i obraz myslej*. [Social psychology: science, practice and way of thinking]. Moscow: JeKSMO-Press Publ. (in Russian).
- Docenko, E.L., 1997. *Psihologija manipuljacii: fenomeny, mehanizmy i zashhita*. [Psychology of Manipulation: Phenomena, Mechanisms and Defense]. Moscow: MSU Publ. (in Russian).
- Ermakov, Ju.A., 1995. *Manipuljacija lichnost'ju: Smysl, priemy, posledstvija* [Personality Manipulation: Meaning, Techniques, Consequences]. Ekaterinburg: Ural University Publ. (in Russian).
- Zelinskij S.A., 2008. *Manipulirovanie lichnost'ju i massami. Manipuljativnye tehnologii vlasti pri atake na podsoznanie individa i mass* [Manipulation of personality and masses. Manipulative technologies of power in attacking the subconsciousness of the individual and the masses]. St. Petersburg: SKIFIA Publ. (in Russian).
- Kara-Murza, S.G., 2005. *Manipulyatsiya soznaniem*. [Mind Manipulation]. Moscow: Eksmo Publ. (in Russian).
- Kopnina, G.A., 2008. *Rechevoe manipulirovanie* [Speech Manipulation]. Publ. 2-th. Moskva: Flinta Publ. (in Russian).
- Merezhkovskiy, D.S., 2020. *Dostoevskiy*. In the book. Merezhkovskiy, D.S., O literature. Izbrannye stat'i. [On literature. Selected articles]. Moscow: Yurayt Publ., pp.96-114. (in Russian).
- Nasedkin, N.N., 2003. *Dostoevskiy. Entsiklopediya*. [Dostoevsky. Encyclopedia]. LitRes: SamizdatPubl. (in Russian).
- Okonechnikova, L.V., 2003. *Psihologiya manipulirovaniya*. [Psychology of Manipulation]. Ekaterinburg: Ural Univ. Publ. (in Russian).
- Ratinov, A.R., 2016. *Izbrannye trudy*. [Selected works]. Moscow: Akademiya General'noy prokuratury Rossiyskoy Federatsii Publ. (in Russian).
- Rubinshteyn, S.L., 2002. *Osnovy obshchey psikhologii*. [Fundamentals of General Psychology]. St. Petersburg: Piter Publ. (in Russian).

- Fridlender, G.M., 1964. *Realizm Dostoevskogo*. [*Dostoevsky's Realism*]. Moscow: Nauka Publ. (in Russian).
- Cialdini R., 2014. *Psikhologiya vliyaniya* (5-th publ.). Translators – E. Bugaeva, E. Volkov, I. Volkova, O. Puzyreva. [*Influence. The Psychology of Persuasion*]. St. Petersburg: Piter Publ. (in Russian).
- Shostrom E., 2003. *Chelovek-manipuljator. Vnutrennee puteshestvie ot manipuljatsii k aktualizatsii*. Transl. V. Danchenko [Man, the manipulator: The inner journey from manipulation to actualization]. Nashville, Abingdon: PSYLIB Publ. (in Russian).
- Sheynov, V., 2023. *Manipulirovanie i zashchita ot manipuljatsiy*. [*Manipulation and defense against manipulation*]. St. Petersburg: Piter Publ. (in Russian).

ՊՈՐՖԻՐԻ ՊԵՏՐՈՎԻՉԻ ՄԱՆԻՊՈՒԼՅԱՑԻՈՆ ԽԱՂԸ «ՈՃԻՐ ԵՎ ՊԱՏԻԺ» ՎԵՊՈՒՄ

ՎԵՐԱ ԱԴԱՄՅԱՆ

Մեղմագիր: Գրականագետներին միշտ հետաքրքրել են այնպիսի ոլորտներ, որոնք անդրադառնում են երկու գիտությունների՝ գրականության և հոգեբանության, գրականության և սոցիոլոգիայի, գրականության և փիլիսոփայության, գրականության և մշակութաբանության ուսումնասիրությունների խաչմերուկում ընկած խնդիրներին: Այս հոդվածում մենք, մասնավորապես, ապավինում ենք հոգեբանության նվաճումներին: Այս տեսանկյունից մենք դիտարկում ենք Ֆ.Մ. Դոստոևսկու «Ոճիր և պատիժ» վեպը: Մասնավորապես, մենք ուսումնասիրում ենք Պորֆիրի Պետրովիչի մանիպուլյացիոն տեխնիկան և հնարքները՝ տեղեկատվության տիրապետում, հեզնանք, ակնարկներ, հանկարծակիության էֆեկտ, կեղծ հարցաքննություն կամ խաբուսիկ պարզաբանումներ:

Մեր նպատակն է ոչ միայն բացահայտել վեպում մանիպուլյացիոն քայլերը, այլև ցույց տալ դրանց ազդեցությունը սյուժեի վրա: Մենք նաև ցույց ենք տալիս, թե որքանով է արդյունավետ մանիպուլյացիան՝ անդրադառնալով մանիպուլյացիայի գոհի արձագանքին:

Վերլուծությունը ցույց է տալիս, որ այս տեսանկյունից վեպը դիտարկելը կարող է շատ արդյունավետ լինել տեքստի ավելի լավ ընկալման համար:

Բանալի բառեր – Ֆ. Դոստոևսկի, «Ոճիր և պատիժ», մանիպուլյացիա, մանիպուլյատոր, գոհ, մանիպուլյացիայի տեխնիկա